

Исследователю историографии приходится внимательно относиться к классификационным характеристикам, которые дают как сами авторы научных работ, так и издательства. Присутствие в самоназвании исторических произведений слова «опыт» еще не значит, что оно имеет его классификационные признаки [см., напр.: 18; 1]. Часто встречаются книги историков под названием «Очерки...», обозначенные в аннотациях как «монография» [16; 22], свидетельствующие о несоответствии указаний видовой принадлежности историографического источника в подзаголовке и в аннотации. Несмотря на саморефлексию авторов указанных трудов о собственном произведении как «очерке» или «монографии», исследователь историографии, ищущий строгие научные основания для историографического анализа, найдет в них основные признаки *научного исследования*. Этот вид – не является «хуже» других видов историографических источников (например – монографии), он просто другой по отношению к ним. Источниковедческий подход к произведениям историков дает возможность прояснить многообразие видов и типов исторического знания и способов его презентации. Он позволяет смотреть на историографический источник как на произведение творческой активности человека, дает возможность выявить влияние культуры эпохи на практику историописание.

1. Алексеев, С.В. Праваляне. Опыт историко-культурной реконструкции / С. В. Алексеев. – М. : Академический проект, 2015. – 430 с. – (Русская история: эпохи).
2. Ахенваль, Г. Начертание истории знатнейших европейских государств / соч. Готтфридом Ахенваллом ; пер. с нем. В. Светов. – СПб. : при Имп. Акад. наук, 1779. – 353 с.
3. Багалей, Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам) : в 2 т. / Д.И. Багалей. – Харьков : паровая тип. и литогр. М. Зильберберг и с-ва, 1898–1904.
4. Багалей, Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства : исследование Д.И. Багалей. – М. : Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1887. – 635 с.
5. Виноградов, В.В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык» / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М. : ИРЯ РАН, 1999. – 1142 с.
6. Готье, Ю. [В.] Замосковский край в XVII веке: опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси / Ю. Готье. – М. : тип. Г. Лесснера и Д. Собко, 1906. – 611 с.
7. Гревс, И.М. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи) / И.М. Гревс. – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. – 678 с.
8. Грушевский, А.С. Пинское Полесье. Исторические очерки : в 2 ч. – Киев : тип. Императорского университета Св. Владимира Н.Т. Корчак-Новикова, 1901–1903.
9. Даль, В. [И.] Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля : в IV т. – 2-е изд. – СПб. ; М. : Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882.
10. Данилевич, В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В.Е. Данилевич. – Киев : Универ. тип., 1896. – 285 с.
11. Довнар-Запольский, М.В. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия / [соч.] М. Довнар-Запольского. – Киев : типо-лит. И.Н. Кушнерев и К^о в Москве, Киевск. отд., 1891. – 179 с.
12. Источниковедение : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др. ; отв. ред. М.Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685, [3] с.
13. Кайданов, И. [К.] Начертание истории Государства Российского / сост. проф. ист. наук в Имп. Царско-Сельском Лицее... и кавалером Иваном Кайдановым. – СПб. : тип. Мед. деп. мин-ва внутр. дел, 1829. – 490 с.
14. Козулин, В.Н. Россия и Запад. Очерки истории взаимодействия культур: монография / В. Н. Козулин. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2015. – 150 с.
15. Корсаков, Д. [А.] Меря и Ростовское княжество: очерки из истории Ростово-Суздальской земли / Д. Корсакова. – Казань : Универ. тип., 1872. – 266 с.
16. Литвак, Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX вв. / Б.Г. Литвак. – М. : Наука, 1979. – 296 с.
17. Милоков, П.Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 ч., 2 вып. – СПб. : тип. И.Н. Скороходова, 1896–1903.
18. Наше Отечество: Опыт политической истории / Кулешов С.В., Волобуев О.В., Пивовар Е.И. и др. : в 2 т. – М.: ТЕРРА, 1991.
19. Погодин, [М.П.] Краткое начертание русской истории, сокращение гимназического курса / соч. проф. Погодиным. – М. : тип. Н. Степанова, 1838. – 116 с.
20. Рычков, П.[И.] Опыт Казанской истории древних и средних времен / соч. Петром Рычковым. – СПб. : при Имп. Акад. наук, 1767. – 252 с.
21. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.
22. Фроянов, И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории / И. Я. Фроянов. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1980. – 256 с.
23. Шубинский, С.Н. Исторические очерки и рассказы / С.Н. Шубинского. – СПб. : тип. М. Хана, 1869. – [4], 228 с.
24. The Oxford English Dictionary : in 20 vol. – Oxford : The Clarendon Press, 1989.

Румянцева М.Ф.

МОНОГРАФИЯ КАК ВИД ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Две модели источниковедения историографии. Предметное поле *источниковедения историографии* в контексте интеллектуальной истории вызывает нарастающий интерес историков, поскольку практикуемые здесь подходы позволяют, при грамотном использовании, сделать историографический анализ более тонким и одновременно более строгим. В *источниковедении*

историографии сосуществуют две парадигмально различные модели, каждая из которых – по факту – акцентирует одну из двух составляющих этого понятия.

Источниковедение историографии выстраивается по образцу так называемого «проблемного» источниковедения в контексте «проблемной» же историографии (напр.: Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. 452 с.; Петровская И.Ф. Источниковедение истории русской музыкальной культуры XVIII – начала XX века. М.: Музыка, 1989. 320 с.). В этом случае историографический источник определяется как «всякий источник познания историографических явлений» [6, с. 112], что предопределяет прагматический (если не сказать утилитарный) характер обращения к нему.

Источниковедение историографии ориентируется на понимание историографического источника как «произведения историка, реализующего функции презентации и позиционирования исторического знания как научного, так и социально ориентированного» [4, с. 209], что заставляет акцентировать внимание на его имманентных свойствах, в том числе и на характере его включенности в историографическую культуру, который определяется видовой природой историографического источника.

Таким образом, если при первом подходе возможны разнообразные варианты систематизации «историографических источников», понимаемых как источники, используемые в историографическом исследовании, – в зависимости от целей и задач самого этого исследования (например, изучение биографии историка, его «творческой лаборатории», трансформации его воззрений etc), то при втором подходе главное – провести классификацию историографических источников, исходя, – как это и принято в источниковедении, – из имманентных свойств самого историографического источника, обусловленных целеполаганием/социокультурной функцией.

Постановка проблемы. Вряд ли кто из историков возразит, что наиболее «научным» жанром/видом историографических источников является *монография*. Но это не единственная причина, по которой стоит обратиться к анализу этого вида историографических источников. Еще более важно, вероятно, то, что под монографию «мимикрируют» (по разным причинам, включая конъюнктурные, а часто – по воле/конъюнктурным соображениям издателя) другие виды историографических источников. Таких примеров колоссальное множество, но приведем только один: в библиографической полоске русского перевода книги Аллана Мегилла «Историческая эпистемология» (М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.) определен ее «жанр» – «научная монография», хотя с точки зрения источниковедения историографии труд А. Мегилла монографией не является (что можно заподозрить уже по его названию). Но здесь сразу же – еще до анализа видовой природы этого произведения – привлекает внимание словосочетание «научная монография». На первый взгляд, такое определение явно тавтологично, но это – на взгляд человека науки. Однако существует сфера, в которой такое определение существует – это библиография.

Конечно, историк – и не только специалист в области источниковедения историографии – должен уметь самостоятельно определять вид историографического, равно как и любого другого исторического, источника, но стоит обратиться к опыту библиографии, как минимум, по двум причинам: во-первых, эта классификация широко используется в библиографических ресурсах; во-вторых, в силу широкого позиционирования библиографической информации (включая библиографическую полосу изданий) она часто вводит в заблуждение неопытных историков, в том числе студентов – магистрантов – аспирантов.

Монография в классификации системы СИБИД. Обратившись к библиографической классификации историографических источников², обнаружим, что ГОСТ 7.60-2003 «Издания. Основные виды, термины и определения» системы СИБИД (стандартов по информации библиотечного и издательского дела) определяет монографию как «научное или научно-популярное издание, содержащее полное и всестороннее исследование одной проблемы или темы и принадлежащее одному или нескольким авторам» [1]. Это определение не содержит четкого идентифицирующего признака/признаков – понятия «полное и всестороннее» весьма условны и, в свою очередь, нуждаются в прояснении. К тому же исследователь вряд ли согласится с объединением в одном кластере научного и научно-популярного издания. Но заметим, что, систематизируя издания по целевому назна-

² Оставим за рамками рассмотрения вопрос, является ли описанный ГОСТ 7.60-2003 способ упорядочения издательской продукции классификацией или систематизацией и предпочтем менее строгий термин – систематизация, отметив, что система СИБИД выполняет по преимуществу прагматические функции. Надо учитывать, что ГОСТ 7.60-2003 систематизирует издания, поэтому такие виды историографических источников, как, например, статья или научный доклад, в этой систематизации отсутствуют.

чению (что принципиально важно для источниковедения) ГОСТ выделяет, в числе прочих, научное издание («издание, содержащее результаты теоретических и (или) экспериментальных исследований, а также научно подготовленные к публикации памятники культуры и исторические документы») и научно-популярное издание («издание, содержащее сведения о теоретических и (или) экспериментальных исследованиях в области науки, культуры и техники, изложенные в форме, доступной читателю-неспециалисту») [1]. И только систематизируя издания «по характеру информации», объединяет «научные» и «научно-популярные» монографии в одну группу, что может быть объяснено с парадигмальных позиций.

Монография: парадигмальная характеристика. Описанные особенности определения монографии в системе СИБИБ объяснимы устойчивостью и, соответственно, распространенностью *классической модели науки*, в том числе и в исторической, предполагающей получение в результате изучения (так называемой критики) исторического источника исторического факта, который используется далее в практиках историописания и расценивается как инвариантный по отношению к ним. Эпистемологически эта модель изжила себя к концу XIX в., с вытеснением классической рациональности неклассической.

Монография в «модельном» варианте принадлежит «позитивистской» парадигме³ классической науки. Это вид историографических источников получает распространение во второй половине XIX в. Р. Дж. Коллингвуд писал: «С энтузиазмом включившись в первую часть позитивистской программы, историки поставили задачу установить все факты, где это только возможно. Результатом был громадный прирост конкретного исторического знания, основанного на беспрецедентном по своей точности и критичности исследовании источников. <...> Историческая добросовестность отождествлялась с крайней скрупулезностью в исследовании любого фактического материала. Цель построения всеобщей истории была отброшена как пустая мечта, и идеалом в исторической литературе стала монография» [3, с. 122–123].

А. Тойнби описывал этот же тип историописания как наследие «духа индустриализма», который необходимо преодолеть: «В наше время нередко встречаются учителя истории, которые <...> возможно не сознавая этого, решительно ограничивают понятие “оригинальное исследование” открытием или верификацией каких-либо фактов, прежде не установленных» [5, с. 15].

Дискурсивными маркерами классической модели науки являются распространенные (особенно в квалификационных работах) выражения: новизна исследования – «в заполнении пробелов/лакун, имеющих в предшествующей историографии...», «обусловлена привлечением ранее не введенных в научный оборот источников (читайте – установлением новых фактов)» etc.

А. Тойнби метафорично описал причины устойчивости такой фактомании: «Индустриализация исторического мышления зашла столь далеко, что в некоторых своих проявлениях стала достигать патологических форм гипертрофии индустриального духа. Широко известно, что те индивиды и коллективы, усилия которых полностью сосредоточены на превращении сырья в свет, тепло, движение и различные предметы потребления, склонны думать, что открытие и эксплуатация природных ресурсов – деятельность, ценная сама по себе, независимо от того, насколько ценны для человечества результаты этих процессов» [5, с. 16].

Очевидно, что «научно-популярная монография» призвана в доступной для широкого круга читателей форме адекватно изложить полученное исследователем научное (= фактологическое) знание.

Попытку определить, причем, максимально полно, видовые характеристики монографии как историографического источника, принадлежащего исключительно к научному типу исторического знания, предпринял С.И. Маловичко: «Монография – научное сочинение по одному вопросу или разделу науки, в котором с наибольшей полнотой исследуется выбранная тема, проводится детальный и глубокий научный анализ интересующей историка проблемы; она характеризуется анализом предшествующей научной литературы по данному вопросу, новизной теоретического подхода, постановкой новой проблемы (формулировкой гипотезы) и ее решением в результате проведенного исследования, обоснованием репрезентативности источниковой базы исследования, целостностью содержания, строгим соблюдением структуры научного текста, наличием разветвленного научно-справочного аппарата, который может включать примечания

³ «Позитивистская» – в кавычках ввиду того, что позитивизм как таковой принадлежит к неклассической науке, хотя сохраняет черты классической модели, тогда как «позитивистская историография» остается в пределах классической науки.

с библиографическими ссылками, вспомогательные указатели, списки сокращений и т.п. Цель такого труда – получение и презентация нового научного знания [2, с. 530]».

Важно зафиксировать видовую природу историографического источника, в котором дано это определение, – учебное пособие, что предполагает выбор наиболее репрезентативного варианта определения. Мне представляется, что дефинирующий признак монографии – репрезентативность (в идеале, исчерпанность) источниковой базы исследования.

Конечно, монография как вид историографических источников, претерпев существенные модификации, существует и в современной исторической науке; ближе всего к ней по видовой принадлежности квалификационные работы и соответствующие им публикации результатов, предшествующие защите диссертации. Но в актуальной познавательной ситуации принципиально важно отличать монографии в строгом смысле от научных исследований, в которых автор формулирует некую новую идею и обосновывает, а иногда только иллюстрирует ее, что позволит избежать ситуации, описанной еще А. Тойнби, когда недооценивают работы, в которых предлагается новый взгляд на историю, критикуя их за «уход от фактологии» [5, с. 15–16].

1. ГОСТ 7.60-2003 «Издания. Основные виды, термины и определения».
2. Источниковедение : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская ; отв. ред. М.Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685, [3]
3. Коллингвуд, Р.Дж. Идеи истории. Автобиография / Р.Дж. Коллингвуд ; пер. и коммент. Ю.А. Асеева ; ст. М.А. Кисселя. – М. : Наука, 1980. – 488 с. – (Памятники исторической мысли).
4. Теория и методология исторической науки : терминолог. слов. / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аквилон, 2016. – 543 с.
5. Тойнби А.Дж. Постигание истории : сб. : пер. с англ. / А.Дж. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 731 с.
6. Шмидт, С.О. О некоторых общих проблемах истории исторической науки / С.О. Шмидт // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. – Калинин : Калининский гос. университет, 1980. – С. 109–117.

Алеврас Н.Н.

ДИССЕРТАЦИЯ ПО ИСТОРИИ КАК ИСТОЧНИК: ПРОЦЕСС ИДЕНТИФИКАЦИИ СТАТУСА ДИССЕРТАЦИИ КАК НАУЧНОГО СОЧИНЕНИЯ (XIX – начало XX в.)⁴

Опыт защит диссертаций по историческим наукам в российских университетах, получивший системное обеспечение в виде нормативно-законодательных установлений, начал складываться в процессе формирования университетов в первой половине XIX в. Создание и презентация диссертации с ее последующей публичной защитой и оппонированием являлись важными процедурами, преследующими цель карьерного роста – повышения служебного и научного статуса соискателя в виде получения ученых степеней и научных званий. Это немаловажное обстоятельство являлось существенным стимулом для развития диссертационной системы. В этом процессе были заинтересованы не только соискатели, но и руководящее ведомство – Министерство народного просвещения, поскольку длительное время российские университеты не могли обеспечить университетские кафедры кадрами высшей квалификации – профессурой. Эти моменты важны для понимания некоторых из побудительных мотивов и целеполагающих установок, которые исходили от соискателя при выборе решения создавать и защищать диссертацию, чтобы достичь той или иной ученой степени.

Опыт создания челябинскими историографами информационной базы данных о диссертациях, защищенных в российских университетах по основным тогдашним специальностям – русской истории и всеобщей истории, – позволяет говорить об их общей совокупности, составлявшей 282 диссертации (1813–1919 гг.) [см.: 1, с. 32–40]. Следует лишь оговорить, что база данных продолжает пополняться новыми сведениями о диссертациях, защищенных по темам, близким интересам исторической науки, но по иным гуманитарным специальностям. Поэтому предлагаемые в данной статье статистические расчеты, хотя и демонстрируют промежуточные итоги статистической разработки, но составляют ядро диссертационной продукции по основным историческим специальностям. Поэтому они вполне репрезентативны для понимания ситуации в деле формирования комплекса российских диссертаций по истории. Исходя из этого количества, будем оперировать некоторыми статистическими показателями для характеристики

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-03-00264.